

8. Высочайшее утвержденное Положение о губернских и уездных земских учреждениях. Полное Собрание Законов Российской империи. Отделение I. Т. 39. СПб., 1867.

9. Герасименко Г. А. Земское самоуправление в России. М., 1990.

10. Там же.

ГРНТИ 02.91.91

УДК 130.2 ББК 87.3(2)

И. В. Жданова

БГТУ им. В.Г. Шухова, г. Белгород

I. V. Zhdanova

BSTU named after V. G. Shuhov, Belgorod

А. В. Мальцева

БГТУ им. В.Г. Шухова, г. Белгород

V. A. Maltseva

BSTU named after V. G. Shuhov, Belgorod

ТЕОРИЯ ГЕНИАЛЬНОСТИ ИВАНА ИЛЬИНА

IVAN ILYIN'S THEORY OF GENIUS

Теория гениальности И. А. Ильина рассматривается в контексте его философии как структурный элемент религиозно-политического акта, направленного на *предмет*. Гений понимается как особое качество/состояние личности, сумевшей в свободном духовном творчестве максимально соответствовать *предмету*. Художественная гениальность применима не только в эстетической сфере, но и в сфере политики, в правосознании. Гений в политике должен видеть цель, т. е. обладать даром художественной гениальности, он должен видеть контуры настоящего и предполагающегося социально-политического организма. В политике гений становится вождем и реформатором, определяя судьбу своего народа.

I. A. Ilyin's theory of genius is considered in the context of his philosophy as a structural element of a religious and political act aimed at the Subject. Genius is understood as a special quality/condition of the person who managed to correspond to the Subject as much as possible in free spiritual creativity. Artistic genius is applicable not only in the aesthetic sphere, but also in the sphere of politics, in the legal consciousness. A genius in politics must see the goal, that is, possess the gift of artistic genius, he must see the contours of the present and prospective socio-political organism. In politics, a genius becomes a leader and a reformer, determining the fate of his people.

Ключевые слова: гений, Предмет, свобода, духовный акт, созерцание.

Keywords: genius, Subject, freedom, the spiritual act of contemplation.

Гениальность во все времена занимала мыслящих людей своей необычностью, отсутствием закономерности проявления, нестандартностью. В гении видят: «имманентную личность и одновременно трансцендентную уникально-оригинальную индивидуальность» [1, 2]; как Шопенгауэр [3, 4]; следствие игры разума, созданной «на базе применения положений концепции системных особенностей и закономерностей афферентного синтеза» [5]; открытого академиком П. К. Анохиным и разработанного другими психологами [6]: и, в конце концов, результат постоянного духовного поиска [7]. К последнему мнению могла бы присоединиться вся русская религиозная философия. В частности, Н. А. Бердяев писал «Духовная жизнь была подлинно конкретно явлена в духовном опыте человечества и оставила по себе творения и памятники. Это уже не есть явление природы, это – явление духа» [8, с. 33].

Методология изучения текстов и сопоставления выявленных смыслов предполагает использование герменевтических процедур.

И. А. Ильин, известен прежде всего как русский философ со своей интерпретацией философии Гегеля как учения «о конкретности Бога и человека» и как выдающийся философ права и теоретик правосознания. Значительно меньше он известен как литературный критик и теоретик культуры. Возможно, особенности его художественного вкуса, консервативного и часто расходящегося с общепринятыми оценками и нормами, являются причиной того, что эта сторона его творчества (которой сам философ придавал большое значение) меньше изучена и вообще не популярна. Тем не менее некоторые его суждения в указанной области, и в особенности его теория гениальности (как особенного способа восприятия *предмета*), представляют интерес особенно в наше время в виде принципиального (в постмодернизме и современном искусстве) отказа от всех канонов и принципов (в том числе и прежде всего – отказа от принципиального различения прекрасного и безобразного, конститутивного принципа прежней эстетики как области философского знания). Иван Александрович Ильин определял гениальность следующим образом: «Если это созерцание глубоко и постоянно и если талант начинает творить совершенное, тогда мы имеем основание произнести слово „гений“» [9, с. 107], а акт гения есть «акт народного самоопределения в духе» [10, с. 252].

Ильин описывает это так:

– гений «один из многих: кровь от крови народа и пламя от пламени народа; но проблематику своего народа он несет в себе, в предельно интенсивной и сконцентрированной форме» [11, с. 216];

– духовный акт – личностен, и потому гений «несет эту проблематику как свою собственную и разрешает ее как сугубо личную; он поднимает его ношу и находит путь для себя самого, и в то же время, и как раз поэтому, и для всего народа» [11, с. 216];

– сила духовного созерцания гения такова, что позволяет найти лучшее (нормальное) решение этой проблематики, которая становится образом, а лучше сказать – символом: «Его борьба – классический пример для его народа; его успех – мерило, на которое равняется народ» [11, с. 216]; «теперь люди знают, где искать победу, как ее добиться, за кем следовать» [11, с. 216];

– и, наконец, талант в сочетании с силой и чистотой духовного акта гения есть та сила, «которую жаждали и за которую боролись целые поколения; а потому из деяний его рук льется струя облегчения, жизни, свежести, наставления для всех грядущих поколений» [11, с. 216].

Для Ильина «гениальный человек становится живым источником свободы, радости, любви» [11, с. 216]; «он подобен алтарю, на котором занимается и ярко вспыхивает пламя национального духа; он указывает своему народу путь к духовности и к Богу; его можно сравнить с Прометеем, даровавшим людям небесный огонь; или с мифологическим титаном Атлантом, держащим на плечах небесный свод своего народа» [11, с. 216]. Явление гения – редкость и счастье для народа; признание гения – несомненная проблема: как правило, гений обречен на одиночество: «Быть может, воображение его слишком утонченно, духовно и неосвязаемо. Быть может, сердце его слишком нежно, страстно и трепетно. Или – воля его непомерно сильна и неумолима в своем законодательстве. Или – мысль его более мудра и отрешенна, чем это по силам его современникам» [11, с. 357].

Особо философом отмечается одиночество гения, которое оговаривалось практически всеми философами, исследующими гениальность. Причем этот фактор не всегда рассматривался как деструктивный компонент, он может способствовать раскрытию творческого потенциала [12].

Но гений не может не быть одинок: одинока его молитва, – и это одиночество и принципиальная, существенная «непонятость» всегда должны учитываться, в самой «практической» области национальной жизни – в политике. Гений ответственен перед Богом, а не перед «многими», перед народом, но не как «ныне живущими» или даже «всеми» поколениями, и уж тем более не перед «избирателями», – но перед его (народа) предметностью: смысл, глубина народа есть его

предмет. Трагическая судьба многих гениальных политических деятелей, «непонятость» политических теоретиков вполне необходима. Однако мы несколько забежали вперед: в существовании политической гениальности Ильин (в отличие, например, от Бердяева, как, впрочем, и от большинства философов) не сомневался, но строение «акта политической гениальности» – специальный вопрос.

И все же Ильин осмеливался утверждать о существовании «бесспорных», признанных гениев: масштаб их гениальности удивительным образом совпал с силой их таланта и с глубиной народной укорененности. К таким гениям Ильин относил А. С. Пушкина: «Тут почти нет расхождений. А даже если они и возникают порой, то оспаривающий или отрицающий это сразу же предстает слепым, сам себя дисквалифицирующим судьей» [11, с. 217].

Пушкин для Ильина – предмет особого поклонения, а саму гениальность его философ считал образцовой. В нашем исследовании мы можем оставить в стороне вопрос о художественной гениальности Пушкина, обратившись лишь к тем ее (гениальности) чертам, которые существенны для понимания политической гениальности. Итак, «мы с трепетным сердцем слышим, как Тютчев говорит ему в день смерти:

Ты был богов орган живой...

и понимаем это так: „Ты был живым органом Господа, Творца всяческих“... Мы вместе с Гоголем утверждаем, что он „видел всякий высокий предмет в его законном соприкосновении с верховным источником лиризма – Богом“; что он заботился только о том, чтобы сказать людям: „Смотрите, как прекрасно Божие творение“...; что он владел, как, может быть, никто, „теми густыми и крепкими струнами славянской природы, от которых проходит тайный ужас и содрогание по всему составу человека“, ибо лиризм этих струн возносится именно к Богу; что он, как, может быть, никто, обладал способностью исторгать „изо всего“ ту огненную „искру, которая присутствует во всяком творении Бога“...» [9, с. 39].

Но его путь к Богу имел особенность, столь важную для нас не столько в связи с Пушкиным, сколько в связи с Ильиным, который утверждал: «В России есть спасительная традиция Пушкина: что пребывает в ней, то ко благу России; что не вмещается в ней, то соблазн и опасность. Ибо Пушкин учил Россию видеть Бога и этим видением утверждать и укреплять свои сокровенные, от Господа данные национально-духовные силы. Из его уст раздался и был пропет Богу от лица России гимн радости сквозь все страдания, гимн очевидности

сквозь все пугающие земные страхи, гимн победы над хаосом. Впервые от лица России и к России была сказана эта чистая и могучая «осанна», осанна искреннего, русским православием вскормленного миро-приятия и Бого-благословения, осанна поэта и пророка, мудреца и ребенка, о которой мечтали Гераклит, Шиллер и Достоевский» [9, с. 68].

Как люди обращаются к Богу? Тех, кого интересует «научная феноменология» этого процесса, можно отослать к знаменитой в свое время книге У. Джемса «Многообразие религиозного опыта», которую, кстати, сам Ильин считал неудачной. Именно – «неудачной», ибо в правильности *пути*, по которому шел Джемс, Ильин не сомневался: он спрашивает: «Как устранить эту болезнь (безбожие)? С чего надо начать, чтобы вернуться на праведный путь веры и любви? Как должно формироваться наше сознание?» [11, с. 427]. И отвечает: «Не верю, что здесь может помочь догматическая, экзегетическая или душеспасительная теология. Нет, скорее всего, это будут новые исследования в области философии религии и психологии религии – надо предельно серьезно и основательно спросить себя: что есть вера? Как она возникает? Как призвать её к жизни? Как её воспитать, зажить, укрепить; какую ей придать форму?» [11, с. 427]. Увы, не «Бог Авраама, Исаака и Иакова», но «Бог философов» вел Ильина: не меньше, чем сама «образцовость» Пушкина, важна для Ильина его «философичность»: поэт ведь тоже может (и должен!) быть «истинным философом». «Философская вера» (в рамках православной обрядности, разумеется, но и то лишь там, где это не противоречит убеждениям философа; отношение Ильина к Патриаршей Церкви в России после Святителя Тихона весьма показательно, и дело даже не в том, что он «не принимал» (как и многие православный иерархи русского зарубежья), но в том, как и почему он ее не принимал) должна была стать тем основанием, на котором надлежит строить здание новой христианской культуры. Пушкин, как его понимал Ильин, мог стать «замковым камнем» такой культуры в России. Национальный характер пушкинского гения был «второй составляющей» его образцовости для будущей России и творцов ее культуры: «Пушкин не почерпнул очевидность в вере, но пришел к вере через очевидность вдохновенного созерцания» [9, с. 68]. И Ильин писал: «Его звание состояло в том, чтобы пророчески указать русскому народу его духовную цель: жить во всем самобытном многогласии своем, с глубочайшей цельностью и искренностью, божественными содержаниями, в совершенной форме» [9, с. 72].

Еще одной важной чертой гениальности является свобода: «Дух есть свобода, дух есть творчество. Духу принадлежит примат над бытием, ибо примат принадлежит свободе» [13, с. 378]. И эта особенность пушкинской гениальности должна привлечь наше внимание: Ильина (и нас) особенно «занимает» свобода его гения: «Пушкин один из тех, кому по плечу любая свобода и оторванность от корней, поскольку они обладают материей и силой, чтобы независимо и свободно укорениться в Боге. Свобода была дана ему не во зло, а для нужных дел. Он отринул все прежние пути и колеи, чтобы найти свой собственный верный путь и указать его другим. Это был духовно-предметный и в то же время религиозно-традиционный, национально-созидательный, спасительный путь». Свобода для Ильина в этом случае просто внутренне неизбежна, поскольку «не скованное ничем созерцание само отыскивало прекрасное, и притом так, что оно означало одновременно и творческую свободу для собственного народа. Новое предметное созерцание всей своею глубиной и блеском подтвердило национально-духовный акт, и притом так, что национальное расцвело в общечеловеческой тематике и проблематике». Пушкин, как его видит философ, не традиционен. Он способен открыть новые свободные просторы, которые приводят «его к православному христианству, к изначальным основам и истокам русского национального духа, к подлинной сущности божественных содержаний на земле; а свободная высота породнила его самого и его народ с тем прекрасным и вечным, что создали другие народы» [11, с. 221–222].

Трудно лучше передать саму атмосферу свободы, которую утверждал, к которой призывал и которую стремился насадить Ильин. Именно: задача политического деятеля – «насаждать» и «воспитывать» свободу граждан; если угодно – сеять «семена свободы» и внимательно следить за «всходами», своевременно «пропалывая» их от «вредных», «больных», «извращенных», «побегов».

Пушкин, помимо всего, как считал Ильин, осуществил целую политическую программу, вернее сама судьба его может служить образцом такой «программы»: «Так совершал Пушкин свой духовно-жизненный путь: от разочарованного безверия – к вере и молитве; от революционного бунтарства – к свободной лояльности и мудрой государственности; от мечтательного поклонения свободе – к органическому консерватизму; от юношеского многолюбия – к культу семейного очага. История его личного развития раскрывается перед нами как постановка и разрешение основных проблем всероссийского духовного бытия и русской судьбы» [9, с. 50].

Итак, нам надлежит говорить о «сущностном единстве» гениальности: гений в искусстве, науке, философии и политике – тот же самый гений, отличающийся лишь, во-первых, спецификой стоящих перед ним задач, определенных особым строением акта обращающегося к нему *предмета*; во-вторых же, особенностями того творческого акта, или, вернее, преимущественными его интенциями, опять же предметно определенными.

Строение акта духовного созерцания в политике и правосознании Ильин определяет как «духовная воля, несомая нечувственным воображением» [14, с. 95]. Именно воображение так близко роднит искусство и политику. Мы уже писали, но повторим еще раз: государство, а именно оно является «ставшей политикой», ее ядром, совершенной формой, субстанцией, институтом и т. д., есть произведение искусства и именно так воспринимается политическим гением, который поэтому определяется Ильиным как «великий государственный реформатор» и как вождь. Для философа это одно и то же: ему известен «закон социальной материи», по которому «движение» всегда преодолевает «покой»: вождь поэтому не может не быть реформатором.

Вождь должен *вести*, и если в периоды «мирные» функции вождя может выполнять государственный механизм, который может «замещать водительство», то в периоды кризисов является настоятельная потребность в вожде, и он появляется. Этот вождь для того, чтобы быть политическим гением, должен знать цель и видеть путь к ее достижению: «Во времена кризисов и катастроф массам нужна уверенность в том, что есть мужи, обладающие благодатной совестью, созидательной идеей и непреклонной волею, в которых сконцентрирован национальный инстинкт самосохранения и которым сейчас надлежит повиноваться» [15, с. 135–136]. Идеи эти должны быть верными, т. е. предметными: «Вожди призваны и обязаны дать им идею. Речь идет не о государственно-политическом лавировании или маневрировании, какими бы ловкими они ни были, а о созидательной цели некоего народного сообщества, о сущности и смысле национальной жизни и национальных устремлений, о новом плоде духа народа и о новой социальной справедливости; короче говоря – о великом «куда» перед Ликом Господним» [15, с. 136–137].

Так, великий реформатор одновременно осуществляет два закона: закон социальной материи – в движении вперед, и закон духа – в движении к предметной цели.

Он должен видеть цель, т. е. обладать даром художественной гениальности, он должен *видеть* контуры настоящего и предполагающегося социально-политического организма (настоящий исследователь в этом смысле тоже художник: становится им, когда видит целое); и он должен верить в себя, и иметь волю к достижению цели – волю к *предмету*. Такой государственный деятель совмещает пророческое, царское и священническое служение. О последнем надлежит сказать особо. По видимости, Ильин это отрицает, когда говорит об «особости» служений Церкви и государства; но именно его «любимый герой», царь Петр Великий, установил синодальный строй русской Церкви, против которого Ильин никогда ни словом не обмолвился.

Гений «ставит свой народ пред лицо Божие и выговаривает за него и от его имени символ его предметной веры, его предметного созерцания, знания и воления. Он открывает и утверждает этим национальное духовное единство, то великое духовное «мы», которое составляет самую сущность родины. Гений есть тот творческий центр, который создает для народа духовную предметность его бытия: он оправдывает жизнь своего народа пред лицом Божиим и тем самым становится истинным зиждителем родины» [10, с. 252], в политике он, ведомый творческим созерцанием, «приемлет волею судьбу, исторический путь и жизненные задачи своего народа и видит их силою волевого воображения. Он созерцает историческую цель своего народа, его живой правопорядок, сильные и слабые стороны его характера, его доблести и пороки, его опасности и страдания; и ведет его по путям, необходимость коих может быть совсем не видна другим» [15, с. 97].

Библиографический список

1. Чернов С. В. Триади́ческая диалектика гениальности // Философская школа. 2018. № 6. С. 61–73.
2. Чернов С. Учение о гениальности Артура Шопенгауэра // Философская антропология. 2017. Т. 3. № 2. С. 141–160.
3. Шопенгауэр А. Собр. соч.: в 6 т. Т. 1 : Мир как воля и представление. М. : ТЕРРА – Книжный клуб; Республика, 2001. 496 с.
4. Шопенгауэр А. Собр. соч.: в 6 т. Т. 2 : Мир как воля и представление. М. : ТЕРРА – Книжный клуб; Республика, 2001. 560 с.
5. Болдышева В. А., Иванов А. В., Иванов Г. А., Соболев Н. Н. Игра в разум как основание гениальности // Мир психологии. 2015. № 1 (81). С. 282–293.

6. Анохин П. К. Биология и нейрофизиология условного рефлекса. М. : Медицина, 1968. 547 с.
7. Холондович Е. Н. Духовные основы гениальности // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. 2017. № 47. С. 135–146.
8. Бердяев Н. А. Философия свободного духа. М. : Республика, 1994. С. 14–228.
9. Ильин И. А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 6. кн. 2. М. : Русская книга, 1996. – 672 с.
10. Ильин И. А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 4. М. : Русская книга, 1994. 624 с.
11. Ильин И. А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 6. кн. 3. М. : Русская книга, 1997. 560 с.
12. Фаррахов А. Ф. Позитивная форма одиночества как фактор творческой энергии гения // Социально-экономическое управление : теория и практика, 2012. № 2 (22). С. 68–70.
13. Бердяев Н. А. Дух и реальность. Философия свободного духа. М. : Республика, 1994. С. 364–462.
14. Ильин И. А. Собрание сочинений : В 10 т. Т. 6. Кн. 1. М. : Русская книга, 1996. 560 с.
15. Ильин И. А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 7. М. : Русская книга, 1998. 608 с.